

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Интервью руководителя Следственного управления Следственного комитета России по Иркутской области, генерал-майора юстиции Андрея Бунёва в прямом эфире программы «Фактор здравого смысла» с Игорем Альтером

Ссылка на эфир: <https://www.youtube.com/watch?v=5Zz3MHcyYAI&t=3s>

Ведущий: Здравствуйте! Это программа «Фактор здравого смысла» и я, ее автор и ведущий, журналист Игорь Альтер. Тема сегодняшней передачи, на мой взгляд, звучит необычно: «Как выглядит детство с точки зрения правоохранительных органов?» Например, на 20 июня этого года в результате действия взрослых погибли 32 ребенка. А в прошлом году – их было 18. В последние месяцы пресса чуть ли не ежедневно сообщала о самоубийствах детей. И наш Иркутск, увы, не исключение. Хотя и говорят, что статистика лукавая вещь, но, тем не менее, подчеркну: по официальным данным 16 подростков из 100 тысяч ежегодно убивают себя. Эти цифры почти в три раза выше среднемировых. Вот почему так важно высветить детство в Иркутской области под углом видения правоохранительных органов. У меня в гостях – руководитель Следственного управления Следственного комитета России по Иркутской области, генерал-майор юстиции Андрей Бунёв.

Здравствуйте, Андрей Юрьевич! позвольте поблагодарить вас за то, что нашли время обсудить в «Факторе» столь животрепещущую тему. А дальше – без лишних слов хочу задать прямой вопрос: насколько серьезно в Иркутской области детство заражено многоликим вирусом преступности? Какие виды преступлений у нас солируют?

Бунёв А.Ю. Добрый вечер! Надо начать с того, что дети – это та категория населения России, которая никогда сама свои права до конца защитить не может. Ладно, дети, у которых есть родители, но ведь есть масса детей, у которых нет родителей, и их интересы может защищать, естественно, только государство. Если говорить про преступность самих несовершеннолетних. Ребятишки везде одинаковы. Где-то с ними работают больше, где-то меньше, но структура этой преступности, как правило, одинакова во всех регионах. Где-то больше имущественных преступлений, где-то много насильственных. Но, в принципе, одно и то же, мы не фиксируем серьезных отличий в случаях несовершеннолетней преступности с другими регионами. Другое дело, как вы правильно сказали, в Иркутской области резко отличается преступность в отношении несовершеннолетних. Обычно бывает по всем регионам: процентов 70 – это

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

имущественные преступления, процентов 10-15 – это преступления против здоровья. Небольшое количество преступлений против жизни. И тоже небольшое количество преступлений сексуального характера. В Иркутской области совершенно другая структура. Например, имущественные преступления: правоохранительные органы несколько лет назад, на мой взгляд, серьезно поменяли систему работы в отношении несовершеннолетних. Результаты не заставили себя долго ждать. Количество имущественных преступлений в отношении несовершеннолетних за последние 3 года снизилось в 2,5 раза. Это не те цифры, которые можно «рисовать», они совершенно объективные. За 2016 год количество имущественных преступлений составило 16% (полтора из десяти), хотя их обычно 70-80%. Но парадокс Иркутской области заключается в том, что растет количество зарегистрированных половых преступлений, где потерпевшие – несовершеннолетние. В 2015 году их было 215, в 2016 году – уже 259. Это 55% от количества всех преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Раскрываемость таких преступлений высокая. Но я хочу сказать, что, опять же, действиями правоохранительных органов за последние три года количество нераскрытых преступлений в отношении детей снизилось в семь раз. Это огромная цифра снижения.

Ведущий: А с другой стороны - рост.

Бунёв А.Ю.: А здесь очень тесно связаны. Когда эти преступления стали раскрываться, по моему мнению, преступлений половых не стало больше. Просто были времена, когда родители, педагоги, другие граждане очень мало заявляли. Может и не скрывали, но они не считали необходимым обращаться в правоохранительные органы, преступления оставались безнаказанными, преступники продолжали действовать. Это не на всех территориях Иркутской области. Это, приблизительно, четверть области, где мы фиксируем первое наибольшее количество таких преступлений (я уже сказал, что их сотни ежегодно). Второе – это за последние три года громадный их рост. В разы. Может быть близко к десятку раз. Это говорит о чем? Да, их больше совершать не стали, да преступники изолируются, они осуждаются, уходят в места лишения свободы. Это сейчас люди стали обращаться в правоохранительные органы, стали заявлять. В результате, еще раз повторю, количество преступлений, в отношении несовершеннолетних – это более половины всех преступлений в отношении несовершеннолетних. Причины, почему не заявляли, я, честно говоря, не могу понять. На мой взгляд, это что-то такое малочеловеческое, но это имело место.

Ведущий: Давайте вернемся к такой теме: как и кто работают с преступлениями? Ведь над ребенком, как я понимаю, должна работать школа, семья, вся окружающая среда. С детьми-то у нас работают по-разному. Начиная от родителей и школы, и кончая детскими домами. В нашем регионе есть какие-то свои особенности?

Бунёв А.Ю.: Я бы выделил две стороны. Первая сторона – это целенаправленная работа с

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

детьми, когда что-то у них случается. Случается не преступление, а какие-то сложности в жизни.

Ведущий: Это вариант - пока гром не грянет?

Бунёв А.Ю.: Да, пока гром не грянет. Эта работа наиболее серьезна. Администрация области, правоохранительные органы провели работу года три назад. Создали службу межведомственного взаимодействия «Противодействие жестокому обращению с детьми». Телефоны практически во всех детских учреждениях есть, и любой ребенок может в любое время суток позвонить. Первое - возможно, он найдет решение своей проблемы, второе – служба незамедлительно сообщает в правоохранительные органы, а те – незамедлительно реагируют. На мой взгляд, создание службы сыграло очень большую роль именно в том, что, еще раз повторяю, в 7 раз сократилось количество нераскрытых преступлений. Просто правоохранительные органы реагируют сразу, а не через время, и эффективность этой работы она гораздо выше. Вторая сторона - это вообще отношение к детству. Мы ведь не очень хорошо реагируем, когда семья или родитель не тратит деньги на своего ребенка, лишает его последней копейки, ребенку нечем заниматься. И к таким родителям складывается отношение, мягко говоря, нехорошее. Наверное, Иркутская область очень близка к этому сейчас, мы можем позже на эту тему более подробно поговорить.

Ведущий: А чем вы объясняете эту резкую грань?

Бунёв А.Ю.: У меня это не первый регион. В Иркутской области, надо сказать, не очень хорошее отношение в плане организации работы по детям. Я такое встречаю в первом регионе. Здесь это есть.

Ведущий: А раньше это было заметно? Или только сейчас стало заметно?

Бунёв А.Ю.: Причины не могут накопиться сразу. Понятно, что причины копятся очень давно. Во-первых, есть большая дистанция времени, во-вторых, есть период, в котором мы очень долго живем. Здесь тоже какая-то динамика, либо в плюс, либо в минус. На мой взгляд, на сегодня она существенно в минус. То, что проблемы эти старые – очевидно.

Ведущий: Андрей Юрьевич, рост сексуальных преступлений за год вырос на 23% и теперь составляет где-то 55%. Прежде, чем спрошу, почему так прогрессирует детская сексуальная арифметика, абсолютно не желая никого обидеть, скажу: я не верю, что часть родителей не знали о беде, случившейся с их ребенком. И тем более становится странным, что 4 года назад ни родители, ни школа не сообщали об этом в органы. Чем вызвано такое ничем не объяснимое молчание?

Бунёв А.Ю.: Уголовные дела для дальнейшего расследования передаем в Следственный

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

комитет по Сибирскому федеральному округу, какие-то дела расследуем сами. Те, что передаем, это серийные сексуальные преступления в отношении детей, в которых очень много эпизодов, очень много случаев, очень много детей. Некоторые преступники свою преступную деятельность в отношении разных детей вели более 10 лет, более 15 лет. Следствие и органы оперативно-розыскной деятельности о преступлениях узнали достаточно случайно. К примеру, один из случаев: по делу о хищении провели обыск у человека и нашли тысячи видеозаписей совершения насильственных действий сексуального характера в отношении детей. Мне сложно представить, чтобы никто из родителей ничего не замечал. Их много, очень много, но никто не обратился. Не знаю, чем они руководствовались, мне тяжело это объяснить, я не могу это объяснить, но никто не обратился из этих родителей. Это не один случай, это не один преступник. Даже не два и не три. Их достаточно много, где серийные эпизоды, исчисляемые десятками и даже сотнями.

Ведущий: а если б не было этого случай, о котором вы рассказываете, то этого преступника могли бы и не уличить?

Бунёв А.Ю.: Естественно его деятельность бы продолжалась, причем, он ее продолжал перед задержанием.

Ведущий: Я хочу понять, насколько элемент случайности присутствует во всем этом?

Бунёв А.Ю.: В какой-то степени присутствует. Полиция и другие правоохранительные органы могут получать информацию только от людей. Если человек не обращается о том, что что-то происходит, это необязательно потерпевший. Это могут быть люди, которые живут рядом и видят. То, соответственно правоохранительные органы и реагировать не могут, они просто не знают.

Ведущий: Когда какая-то структура молчит, я понимаю, честь мундира, а когда родитель молчит о беде собственного ребенка. Вы чем это объясняете?

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Бунёв А.Ю.: По этим делам люди говорят: мы ничего не замечали. Сомнительно, что никто ничего не замечал. Почему, если кто-то замечал и не обращался – сложно сказать.

Ведущий: А родная школа?

Бунёв А.Ю.: Школа, я думаю, не знала. Родители, наверное, замечали какие-то изменения в поведении человека. Может с возрастом связано. Сложно сказать.

Ведущий: Еще одна болевая точка – уходы детей. По-моему, ребенок уходит из семьи, когда он в ней не чувствует родственных связей. Внимания и заботы к своей персоне. Я не оговорился. В каждой семье каждый ребенок, в хорошем смысле этого слова, должен быть персонифицирован. А часто этого нет. Поэтому дети становятся объектом преступления и покидают семьи. Я знаю, что в вашей структуре три года назад была создана межведомственная служба противодействия эти проблемам. Если можно, на конкретных цифрах, какие результаты принесла данная новация?

Бунёв А.Ю.: По детям это всегда совместная работа государственных и правоохранительных структур, здесь кто-то один ничего сделать не сможет. Я расскажу на примере уходов детей. Что такое уход ребенка из дома? Понятно, что ему кушать надо: он может зарабатывать только преступной деятельностью, либо люди что-то дадут. Но люди очень часто такие, что беспомощностью ребенка они могут воспользоваться на улице, и вот ребенок уже становится на путь преступления. Нам было не понятно, почему дети уходят. Возьмем маленькую категорию – уходы детей из детских учреждений. Отношение многих педагогов было такое: ну дети такие, они много уходят. Что мы совместно сделали? Обратились в один из Санкт-Петербургских институтов, самый известный в России, занимающийся научной и практической педагогикой. Ученые разработали анкету, и мы проанкетировали каждого из более, чем 5000 детей, которые содержались в детских учреждениях. Там разные были вопросы: про отношения, про насилие, про питание. В результате причина уходов большего количества детей стала четко понятна. Ребенок, находясь в детском доме, помнит, что у него есть какие-то родственники. Он помнит с детства троюродного деда или дядю и стремится к нему. В тех детских учреждениях, где была налажена связь детей с родственниками, они практически не уходили. Только за последний год кол-во уходов детей сократилось с 468 до

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

307. Уходы детей из социальных учреждений сократились практически в три раза: с 628 до 228. Соответственно на порядок стало меньше преступлений, совершенных ребяташками, и преступлений, совершенных в их отношении. Это результаты работы. Здесь надо работать, заниматься, и результаты по детям очень серьезные. То, что касается текущей работы, все упирается в деньги. Давайте вспомним наше с вами детство: у меня отец военный, мама – воспитатель детского садика. Никогда времени не было на воспитание. Где рос? Рос на улице. Но на улице рос в спортивной коробке, которая была практически у каждого дома. Куда сегодня деться ребенку, кроме компьютера, где есть Интернет? Я с малого детства ходил в спортивную секцию – это было бесплатно. Куда сегодня ходить ребенку в Иркутской области, если у родителей сегодня нет средств на эти самые секции? Я звоню своим друзьям в Красноярский край узнать, сколько стоит секция. Футбол, хоккей, все, что угодно, дети занимаются практически у всех. С недоумением мне отвечают: бесплатно. Футбол, бокс, борьба, все, что угодно для детей – секции бесплатно. В Иркутске спрашиваю у родителей, у кого ребята занимаются в бесплатных секциях: их практически нет, либо небольшое количество. Это вопрос финансирования. Одна и та же сторона. Получается, что экономим деньги на своих детях – больше ничего.

Ведущий: Мир каждого ребенка – это огромная и очень индивидуальная планета. Остается ли сегодня время? Есть ли сегодня желание? Существует ли такая среда, чтобы с каждым ребенком работали отдельно. Где бы он не находился: в школе, в приюте. В подходе сегодня, так же как и в медицине, исключено индивидуальное отношение к человеку.

Бунёв А.Ю.: Все зависит от людей. Бывают разные люди, как и везде.

Ведущий: Вспоминая свои школьные годы, хочу сказать, что раньше было больше индивидуальных взаимоотношений учителя и педагога в детском саду.

Бунёв А.Ю.: Мы можем, конечно, сказать, что раньше и трава была зеленее. Но, мне кажется, вопрос совсем не в этом. Когда ребенок ходит в спортивную секцию, там есть тренер. Вот я ходил в секцию, плохую оценку получил в школе, 200 раз отжался за эту оценку и подумал: а надо ли получать плохие оценки? Есть какое-то «перекрытие»: воспитанием ребенка занимается семья, если семья по каким-то причинам не справляется – есть школа, есть спорт и тренер. Когда ребенок окружен вниманием, когда ребенку помогают многие, может быть не все из них те люди (педагоги, тренеры, родители), кто хочет действительно заниматься с ребенком. Но они, как правило, все равно найдутся. И чем больше он занят (я рассуждаю конкретно о нашей практике по результатам расследования уголовных дел, иногда очень страшных преступлений), чем ребенком занимаются, у него больше шансов быть нормальным. Потому что в последнее время мы видим очень много ситуаций: добросовестные родители, все хорошо ребенок без внимания у таких родителей, больше ничем не занимается. В Иркутской области родители приходят в отчаяние. Фраза одного из добропорядочных родителей у меня

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

не выходит из головы: «То ли повесится, то ли сядет». Должна быть система работы с детьми, должна быть база.

Ведущий: А есть она на ваш взгляд?

Бунёв А.Ю.: В Иркутской области ее практически нет.

Ведущий: У вас есть точка отсчета, плацдарм для сравнения - это Красноярск. Почему там это есть, а здесь этого нет. Назовите основные причины.

Бунёв А.Ю.: Лет 10 назад в Красноярске была разработана программа «Турник в каждый двор». Когда во дворе только лавочка стоит, пацаны пиво на ней пьют. А когда турник есть, они на нем висят, друг перед другом «выделываются», и алкогольного опьянения уже от них не будешь ждать. Что значит турник в каждый двор? На два-три подъезда – один турник, чтобы любой ребенок вышел и позанимался. За 10 лет обставили все дома. Новые дома без них не строятся. Если говорить про Иркутскую область, стоимость хорошего комплекта: турник, брусья, скамья для пресса – в районе 25000 рублей, 10 комплектов – 250 тыс. руб, 1000 комплектов – 25 млн. Почему для Иркутской области нельзя сделать программу за небольшие для области деньги: ставить ежегодно тысячу комплектов, чтобы за несколько лет довести до общего нормального уровня? Почему нельзя сделать программу строительства спортивных площадок? Город Красноярск – миллионный город, в одном городе по программе строится 100 спортивных площадок в год. Программа действует уже 4 года. 400 площадок за 4 года. Уже практически весь город заполнили. Что мешает сделать здесь? Денег не хватает? Но у нас громадный рост бюджета. Желание? А желания нет почему, я не знаю.

Ведущий: А вот арифметика спорта. У вас же есть интереснейшие цифры. Давайте закончим эту статистику, и тогда многое будет ясно.

Бунёв А.Ю.: Интересные цифры на спорт. Бюджет министерства спорта: Красноярский край - более 8 млрд. на 2017 год, Иркутская область 833 млн. руб. В 10 раз меньше. Понятно, в Красноярском крае будет Универсиада проводиться, понятно, там траты больше. Возьмем Бурятию. Там населения в 2,5 раза меньше, а количество денег практически такое же - 729 млн. В Бурятии в 2017 году на одного человека в году выделяется на спорт в 2,5 раза больше, чем на одного человека в Иркутской области. Почему? Я не знаю.

Ведущий: Сама арифметика дает ответ. Ибо арифметика – это и есть отношение.

Бунёв А.Ю.: Мне сегодня область напоминает тех родителей, которые не спешат тратить на своего ребенка деньги, и поэтому окружающими он очень не любим. По-другому я сказать не могу.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Ведущий. Эта ситуация имитационная. Ведь нет таких совещаний, таких встреч, таких симпозиумов, где бы мы ни говорили, как нам важно, чтобы дети были в центре нашего внимания. Мы приводим цифры. А еще мы с вами не подошли сегодня к самой страшной теме – к суицидам. На фоне всех этих могучих разговоров вот эта арифметика. Мы подходим к тому, что в Бурятии на ребенка рассчитано в 2,5 раза больше средств.

Бунёв А.Ю.: По уголовным делам, в частности, по Черемховскому дому-интернату мы допрашивали депутатов Законодательного собрания: почему так получилось, что фактически из-за недостатка средств погибли дети? Наиболее стандартный ответ – мы не знали, что там денег не хватало; нам бы сказали, что там денег не хватает, мы бы нашли возможность откуда-то добавить. Простите, мы где живем?

Ведущий: Это же несерьезная отговорка. Она неубедительна. Говорим мы много о детях и 10 лет тому назад и еще раньше. А там, где вы приводите примеры, нет же таких цифр. У любой беды есть имя, отчество, фамилия. Можем сказать: виновато общество, виноваты люди...

Бунёв А.Ю.: Все мы виноваты.

Ведущий: И признав, что мы все виноваты, дело сдвигается плохо. Теперь о самом страшном: о детских суицидах. Как выглядит эта арифметика? И почему у нас в регионе такая страшная арифметика? Где корневые причины? Чего не хватает? Какие факторы создают такую ситуацию?

Бунёв А.Ю.: Страшны как суициды, так и убийства. В этом году в результате действий взрослых, как правило, это родители, либо другие близкие родственники, уже погибло 32 ребенка. В прошлом году было почти в 2 раза меньше – 18. Цифры громадные. И то же мы имеем по количеству детских суицидов. Смотрим данные за 1 квартал этого года (за 2 квартал обобщенных данных пока нет). Берем весь Северо-Западный Федеральный округ: мы знаем, что туда входит Санкт-Петербург, Ленинградская область, другие крупные регионы – густонаселенный регион. 8 детских самоубийств за 1 квартал. Весь Северо-Кавказский Федеральный округ, тоже немаленький регион, народу много – 7 случаев. Иркутская область – 11 случаев за квартал. Для сравнения: в Кемеровской области – 1 случай, Новосибирская область – 2, Красноярский край – 2, Иркутская область – 11 случаев! Что здесь еще можно говорить? Сообщений только о попытках самоубийств по состоянию на 20 июня этого года будет 76 – я имею в виду о попытках самоубийств детей. В первом полугодии прошлого года было 24. За один год рост около 3 раз! Такую динамику не дает ни один регион России. Ситуация страшная, на мой взгляд. Это результаты нашей работы здесь, в регионе, которые мы получили – рост детских самоубийств в 3 раза. И что хочу сказать: по любому случаю мы проводим либо проверку, либо расследуем уголовное дело. Из этих 76 случаев мы не

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

установили ни одного, где бы причинами были «группы смерти» в Интернет. У двоих ребятшек около года назад были эпизоды, когда они заходили на этот сайт: они зашли и вышли, больше они там не были. Это говорит о том, что виноваты не сайты, виновата та система, которую мы здесь создали. Виновата наша работа, это результаты нашей работы. На мой взгляд, все опять упирается, как это не странно звучит, в деньги. Потому что деньги для спорта это работа тренеров, это инвентарь, это ремонты, это поездки на соревнования. По линии Министерства образования и Министерства социального развития обязательные выплаты, которые не уменьшить. А вот та надстройка, которая есть над этими обязательными выплатами – это уже какая-то более живая работа с детьми. Давайте посмотрим, что у нас происходит: по линии Минобразования в 2014 году было потрачено из бюджета 22,9 миллиарда рублей. При этом на 2017 год на начало года было заложено 30,4 миллиарда, с последними изменениями – 31,1 миллиард, снижение около 5 %. Инфляция за 3 года – около 30 %. То есть, за каких-то последних 3 года по линии Минобразования мы на одного ребенка начали тратить фактически на треть меньше. Получается так. Я тоже пример приведу (прошу прощения, что со своим родным Красноярском сравниваю): в немного отличающемся по численности населения Красноярском крае сумма на 60 с лишним процентов больше – 50,9 миллиарда рублей на образование. Министерство социального развития, опеки и попечительства: даже в прошлом году было 21,6 миллиарда рублей, в 2017 году – 20 с половиной миллиардов. Сейчас немного увеличили. Вот мы взяли уровень трат по линии Министерства социального развития на 2010 год (год был не очень богатый, он был после кризиса), прибавили к нему инфляцию (неофициальный уровень инфляции наверное больше, но тут который зафиксирован статистически), и получилось, что, если поддерживать фактически на одного человека по линии Министерства социального развития уровень трат 2010 года, то на этот год нужно было потратить 32 миллиарда рублей. А как я уже сказал, выделен 21 миллиард. Еще раз: есть обязательные выплаты, от которых никуда не уйдешь, а денег, которые идут на живую работу – нет. И в результате мы имеем то, что имеем. Здесь все достаточно понятно, и не надо ничего выдумывать.

Ведущий: Одна сторона, чисто материальная. Я отдаю себе отчет в том, что в общении с детьми, в их становлении, воспитании огромную роль играет «финансовая мускулатура», это понятно. А насколько все те, кто занимается детьми, отвечают в профессиональном отношении?

Бунёв А.Ю.: Хотелось бы, конечно, большего. Здесь встает снова вопрос: насколько выстроена система. По всем детским учреждениям, и образовательным, и социальным положено смотреть уровень. Я приведу пример. Мы установили, что в Усольском кадетском корпусе более 10 человек персонала были судимы - судимы за разбои, судимы по 5 раз, судимы за кражи, судимы за тяжкий вред здоровью другим людям. Чему они учили ребятшек?

Ведущий: Андрей Юрьевич, а что кадетский корпус - это пивной ларек, куда можно

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

принять на работу кого угодно?

Бунёв А.Ю.: Просто никто не проверял, потому что системы проверки нет. Это должны делать, но это не делают. Нормативные документы пишутся для того, чтобы их исполнять. А у некоторых людей есть мнение, что «мало ли чего где написано, а что исполнять я знаю сам». Вот это не проверялось, сейчас это устранено. О чем здесь еще говорить? Это кадетский корпус, фактически элитное учебное учреждение. Что говорить о другом?

В Иркутской области отношение к закону несколько поверхностное. Видимо, исторически. Вопрос в том, либо есть порядок, либо нет. Вот в этом – его нет. Раз его нет, то порядок нужно наводить. Проблем здесь нет никаких.

Ведущий: Национальная черта – это старые грабли. Давно ли мы с вами разговаривали о «Боярышнике»? Пожалуйста, в других регионах, если не ошибаюсь, опять 11 смертей уже есть. А говорили мы с вами об этом почти полгода назад.

Бунёв А.Ю.: Видимо, на все рук не хватает. Основные вещи должны исполняться неукоснительно, и исполнение этих вещей должно контролироваться.

Ведущий: А мне кажется, не столько рук не хватает, сколько должной реакции.

Бунёв А.Ю.: Я примерно о том же говорю: когда мы с одной стороны не даем деньги, с другой – не строим систему, работая разбросано, по принципу «кому что в голову взбредет»...

Я приведу пример Иркутского кадетского корпуса. Каких-то три года назад в корпусе было достаточно много преступлений: у кадетов вымогали деньги, похищали банковские карты, с которых также похищали деньги, было насилие. За прошлый год остались те же ребята, больше ни одного похищения не было зафиксировано. Те же самые ребята встают за час до подъема, бегают кросс, готовятся к поступлению в военные учебные заведения. Все это вопрос системы работы с ними. Дети везде одинаковые, вопрос только в том, как ведут себя с ними взрослые: либо работают и деньги на них тратят, либо этого не делают. Тут и результаты диаметрально противоположные.

Ведущий: Не первый год мы сталкиваемся с нехваткой денег на культуру, образование, спорт, медицину, науку... Почему дети должны быть заложниками нашей финансовой несостоятельности? В чем проблема? Может пора поменять вектор денежных приоритетов? Почему мы его не меняем?

Бунёв А.Ю.: Сначала о том, что денег не хватает. Снижение за год, за три. Что их, раньше хватало, а сейчас не хватает? Но мы же знаем, из газет хотя бы, какой у нас рост бюджета в

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

области - достаточно серьезный. Вопрос в приоритетах: либо мы хотим на это деньги тратить, либо мы на это деньги тратить не хотим, а руководствуемся только какими-то другими соображениями. Но деньги на детей не тратим. На мой взгляд, сейчас денег в бюджете больше, а мы на детей тратим меньше.

Ведущий: А где логика?

Бунёв А.Ю.: У нас другие, видимо, цели. Приоритеты так расставляем.

Ведущий: Мы с вами можем спросить любого власть имущего человека, и он скажет: детям – всё!

Бунёв А.Ю.: Сказать можно все, что угодно, но цифры не соответствующие.

Ведущий: Чтобы сдвинуть этот огромный застывший воск с места, что нужно?

Бунёв А.Ю.: На мой взгляд, это зависит от конкретных людей. Родители должны детьми заниматься, и в том числе, требовать у глав территорий, где они живут, районов, городов, выделения средств на секции, на учебные программы, какие-то социальные программы - всё, то угодно. Второе – это роль прессы. Вы меня в прошлый раз спросили, что я думаю про иркутскую прессу. Я ответил, что не хотелось бы говорить, чтобы не обидеть. Вы много в прессе (в Интернете, на телевидении, в газетах) видели работы журналистов на темы развития детства, сопровождение каких-то детских программ? Не обрывочную информацию, где часто чувствуется, что «кто-то заплатил – мы опубликовали», а именно гражданскую работу? Как будто мы не в этом городе живем, не в этой области: нам заплатят – мы печатаем, не заплатят – мы не печатаем. Сложно все это понять нормальному человеку.

Ведущий: Сложно понять и то, что к величайшему сожалению, журналистика перешла на коммерческие рельсы.

Бунёв А.Ю.: Вы знаете, она во всем мире перешла на коммерческие рельсы. Но то, что мы наблюдаем здесь и сейчас: если ради интереса зайти на центральные каналы десятка наших сибирских городов, или походить по Интернет-ресурсам, и посмотреть, как там, и как здесь, можно увидеть огромную разницу.

Ведущий: Нет ни одной прослеженной детской ситуации от начала до конца. Например, сколько на детей сейчас выделяется, до нашей с Вами программы я не слышал нигде.

Бунёв А.Ю.: Это официальные цифры, они есть на сайте Иркутской области. Городские, районные цифры есть на соответствующих сайтах. Кому интересно, могут взять и посмотреть.

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Ведущий: Нет аналитики, что в результате происходит. Вот мы говорим о суицидах, мы говорим о детском доме в Черемхово, говорим об Усольском кадетском корпусе – нет этой аналитики.

Бунёв А.Ю.: Что мешает этим заниматься журналистам?! Что мешает предавать этому общественную огласку, чтобы люди это знали и могли реагировать?! Ведь если есть какой-то пробел в обществе, он обычно идет от того, что тема скрыта, она не присутствует в публичном поле, ее нет в средствах массовой информации, ее нет в широком обсуждении – люди это не поднимают и не знают. Тогда в этой «тьме» можно заниматься чем-то нехорошим – по сути, так и есть. Можно деньги от детей на другие нужды тратить - при широком общественном обсуждении вряд ли это было бы. Я приведу еще несколько примеров. Парадоксальные цифры! Дети-сироты - им никто, кроме государства, помочь не может, это совершенно однозначно. Более того, на государство законом возложена обязанность заниматься этими детьми. В 2014 году выделена тысяча квартир - они самые дешевые, но, тем не менее, там можно жить. По программе на 2017 год запланировано 428 квартир - снижение более чем в два раза! За первый квартал этого года выделено 55 квартир. Фактически, снижение выдачи за последние 4 года в 5 раз. Я еще раз скажу: на этот год планируется 428 квартир, а в очереди – 12796 ребятишек, и прибывают постоянно новые. Сегодня мы очередь только увеличиваем, но понятно: вышел ребенок из детского дома, и, если у него нет условий – он куда пойдет?! Еще один серьезный вопрос - качество этих помещений. У нас было много проверок, и уголовные дела, и вот что выясняется: строительство этих помещений – вопрос муниципалитета. Но мы же прекрасно понимаем, что в деревне и поселке нет специалистов по строительству, которые могут нормально оценить проектную документацию, нормально оценить качество выполнения работ. Более крупные города и области «отодвигаются» от этой работы: это ваши полномочия, вы их исполняете! В то же время, они реально этого делать не могут: нет возможностей и денег на это. Но почему не создать какую-то рабочую структуру, которая в рамках области контролировала бы качество проектов и качество построек. Что мы от всего отодвигаемся?!

Ведущий: Но такой структуры нет. И в тоже время, вы только что сказали, все понимают, что неспособна деревня обеспечить этому «счастливцу-новоселу» качественный ремонт.

Бунёв А.Ю.: Главная проблема, которую просто надо решать. Если государственные деньги тратятся не по назначению, дети заезжают туда, где жить невозможно.

Ведущий: Давайте еще одну серьезную вещь подчеркнем. Вы привели цифру – на очереди на 1 апреля стоит 12796 сирот. Выдали 55 квартир. Допустим, до конца текущего года выдадут им еще 200 квартир. Теперь вывод: очередь как была 12 тысяч с лишним, так и остается.

Бунёв А.Ю.: Это не останется так, потому что за год 516 сирот прибавляется. Количество

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

выданных сейчас квартир существенно меньше, чем количество детей, на которое прирастает очередь.

Ведущий: Значит, это не деятельность, это профанация, это имитация деятельности помощи детям-сиротам. А мы еще удивляемся, дескать, были времена, когда от детей не ожидали ничего, кроме послушания. Почему от них теперь ожидают всего, кроме послушания? Наверное, потому, что «как аукнется – так и откликнется».

Бунёв А.Ю.: Вопрос другой. Понятно, что в государстве много на что денег нет. Но если государство не обеспечивает этих сирот, если оно их не воспитывает, если оно их не обучает, если оно не дает им минимальные условия для жизни – как правило, в любом обществе, необязательно в нашей стране и в нашей области, эти ребяташки уходят в криминал практически все. Государство, создавая им условия, когда у ребенка есть воспитание, обучение, в какой-то степени гарантирует, что ребенок будет нормальным. Не создавая эти условия, государство очень часто наоборот, обеспечивает плохой путь. Мы живем в этом регионе, нам надо создавать эти условия. Российская Федерация полностью свои обязательства выполняет. Вопрос: область, город, район, каждый поселок? Скажу так: я в этом году обратился ко многим главам поселков, на севере, на западе Иркутской области, с предложением – кадетский корпус проводит набор, отправьте от своего поселка ребят. Ну есть же наверняка дети, которые успешны в спорте, хорошо учатся, хотят что-то делать, но там не хватает учебных заведений, либо у родителей нет денег. Примерно 16 человек с области из 100 поселков. прислали. Остальным как-будто это не надо.

Ведущий: Я полностью с вами согласен, две руки «за» насчет журналистики. С другой стороны я хочу подчеркнуть, и это тоже очень важно, и Вы наверняка знаете, часто видите по федеральным каналам сюжеты, в каком ужасном состоянии получают квартиры дети-сироты. Огромное количество таких сюжетов, по разным регионам. Что меняется всерьез?! Если честно, не меняется.

Бунёв А.Ю.: Я вам приведу пример по тем же детям: на это деньги не нужны дополнительные. Разобрались, почему дети уходят из интернатов, в 3 раза снизили количество уходов за год. Создание какой-то структуры, рабочей группы, которая бы занималась контролем качества жилья для переселенцев, для детей не требует каких-то дополнительных денег. Но просто организационно это сделать, чтобы эта структура начала работать – и качество в большинстве случаев было бы обеспечено. Кто-то из тех, кто отвечает за эту деятельность, не хочет этим заниматься, потому что это полномочия муниципалитетов. Но видно же, что муниципалитеты не могут это сделать: у них денег нет, на экспертизу денег нет, контролеров строительства нет в принципе. Тем не менее, пока так.

Ведущий: Хочу вернуться к детским суицидам. В 1974 году американский социолог

Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Д. Филипс исследовал волну самоубийств в Европе в конце 18 века, спровоцированных романом Гёте «Страдание юного Вертера». Ученый доказал, что на окружающих оказывает не столько сам факт самоубийства, сколько сообщение о нем. Сейчас практически подростки всю информацию черпают из социальных сетей. Поисковое окошечко «Вконтакте» на запрос «Суицид, депрессия» «выстреливает» десятками профильных страничек. Должны ли быть отворены для детей такие окошки?

Бунёв А.Ю.: Сейчас работа по таким страничкам ведется. Десятки тысяч из них ежедневно исчезают, закрываются и десятки тысяч открываются. Вопрос в другом: есть ли у ребенка иммунитет к ним? Если ребенок занимается спортом, если его любят в семье, если им занимаются взрослые, то ему это будет неинтересно.

Ведущий: Мы вернулись к тому, с чего начали. Индивидуально надо заниматься ребенком.

Бунёв А.Ю.: Суицидально настроенные дети фактически брошены: живут с родителями, но никому не интересны. И они склонны к такому поведению.

Ведущий: Андрей Юрьевич, я вас благодарю за то, что мы поговорили сегодня на очень серьезную тему. Мне бы хотелось, чтобы мы с вами встречались чаще. Вот мы час проговорили, а я понимаю, что не сказано еще многое. Поэтому предлагаю превратить это в хорошую традицию.

Бунёв А.Ю.: Я бы очень хотел, чтобы этот разговор не заканчивался просто словами. Все обозначенные темы во многих регионах реально решаются. Они решатся и во многих территориях Иркутской области, ими просто нужно заниматься.

Ведущий: Ну еще, наверное, надо называть людей, фамилии, структуры, которые способствовали неблагоприятной ситуации. Всего вам доброго, спасибо, что были с нами!

30 Июня 2017